

ОБРАЗЫ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

© Алсу Хабибуллина, Альфия Давлетшина

IMAGES OF HEAVENLY BODIES IN RUSSIAN AND TATAR FOLK LYRIC POETRY

Alsu Khabibullina, Alfiya Davletshina

The article is devoted to an understudied topic, connected with comparative research into images of heavenly bodies in Russian folk ballads and Tatar bayts. The purpose of the study is to reveal common features in the images of heavenly bodies – the Sun, the Moon (the Half-moon) – in lyro-epic genres, as well as the differences, indicating uniqueness of religious, mythological and art thinking of different peoples in the Volga region. We have found out that in Slavic myths a specific place is held by Yarilo – the Sun god; the sun is a source of life, in folk songs it always has a positive value (“Grozny near Serpukhov”, “The Good Fellow and the Thin Wife”, “Goldenhorn Bulls”). In cosmological myths widespread in Tatar culture, the Sun is often opposed to the Moon. The analysis has shown that the images of heavenly bodies are differently revealed in the compared genres. We have established that in bayts, in which tragic concepts are of special importance, the images of the Sun and the Moon often indicate the change of events: a description of scenic beauty is replaced by a tragic situation (“Sak-Sok”, “On Selling the Girls”). In bayts, in contrast to ballads, the images of the sky are characterized by parallelism. Moreover, an opposition (antithesis) is created on their basis, as, for example, in the bayt “Khamida”. At the same time, the specified lines of poetics are not to be found in the majority of Russian folk ballads, more frequent are traditional epithets (“красное солнышко (gorgeous sunshine)”, “утренняя заря (morning sunrise)”). Our research has also confirmed that, in bayts, a specific place is held by the images of the Moon in comparison with the Half-moon (“Beautiful Sakhiba”, “On Selling the Girls”). These images are not so frequent in Russian ballads, which allows us to state objective differences in the compared genres.

Keywords: bayts, ballads, comparative research, parallelism, tragic elements.

Статья посвящена малоизученной теме, связанной с сопоставительным исследованием образов небесных светил в русских народных балладах и татарских байтах. Цель работы – выявить общие черты в образах небесных светил: солнца, луны (месяца) – в лиро-эпических жанрах, а также различия, указывающие на уникальность религиозно-мифологического и художественного мышления разных народов Поволжья. Нами было установлено, что в славянских мифах особое место занимал Ярило – бог солнца; солнце является истоком жизни, в народных балладах оно всегда наделялось положительным смыслом («Грозный под Серпуховым», «Молодец и худая жена», «Туры златорогие»). В космологических мифах, распространенных в культуре татар, солнце часто противопоставлялось луне. Проведенный сопоставительный анализ показал, что образы небесных светил в сопоставляемых жанрах раскрываются по-разному. Мы установили, что в байтах, в которых большое значение имеют представления о трагическом, образы солнца и месяца часто указывали на смену событий: прекрасная картина природы сменяется указанием на трагическую ситуацию («Сак-Сок», «О продаже девушек»). В байтах, по сравнению с балладами, образы неба входят в параллелизм, а также на их основе создается противопоставление (антитеза), как, например, в байте «Хамида». Вместе с тем указанные черты поэтики не встречаются в большинстве русских народных баллад: в них частотны традиционные эпитеты («красное солнышко», «утренняя заря»). Также наше исследование подтвердило, что в байтах особое место занимали образы луны, сравнение с полумесяцем («Красавица Сахиба», «О продаже девушек»). Такой широкой распространенности данных образов в русских балладах нет, что позволяет говорить об объективных различиях сопоставляемых жанров.

Ключевые слова: байты, баллады, сопоставительное исследование, параллелизм, трагическое.

В настоящее время, когда происходят большие изменения в области взаимодействия разных национальных языков и литератур, усиливаются процессы межлитературного диалога и коммуникации, предпринятая тема видится актуальной. Она посвящена изучению образов небесных светил в татарском и русском фольклоре. Следует отметить, что данная тема мало исследовалась в сопоставительном аспекте и на материале лиро-эпических жанров – татарских баитов и русских народных баллад. Вместе с тем их изучение в сопоставительном аспекте позволяет увидеть не только общие черты в фольклоре народов России, но и выявить их особенности, уникальные свойства образов неба – солнца, зари, луны.

Такой подход отвечает сущности основного – сопоставительного – метода предпринятой темы. Как писал современный ученый Я. Г. Сафиуллин: «Сопоставление предполагает сохранение уникальности (самобытности) каждой из литератур, включаемых в круг исследования. Этому может способствовать описание как исследовательский прием» [Сафиуллин, с. 98]. Сопоставление актуально и при рассмотрении фольклорных жанров, основанных на сходных эстетических принципах (в нашем случае – трагизм). Баиты и баллады близки как в идейно-психологическом плане – в них развиваются общечеловеческие мотивы (смерти, разлуки, страдания), так и с точки зрения их эстетической основы, связанной с выражением трагического в жизни человека.

О сходстве и уникальности русских баллад и татарских баитов отмечалось в работах известных фольклористов. Многие отечественные исследователи (М. Алексеев, В. Жирмунский, Б. Путилов, В. Пропп) видят в балладе проявление драматического начала, которое имеет равную роль с эпическим и лирическим. Основной пафос русской баллады – это мир страстей, трактуемых трагически; через балладу раскрывалось содержание многих общественных и личных конфликтов, которые имели драматический характер.

По мнению Ф. Урманчеева, исследовавшего в сравнительном аспекте данные формы, «близки эти жанры друг к другу в первую очередь по времени, по исторической эпохе возникновения, формирования и расцвета» [Урманчеев, с. 193]. Вместе с тем ученый подчеркивает уникальность народных произведений, в которых заметными являются черты культурной идентичности.

В монографии А. Шарипова «Зарождение системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе

(VIII–XIV вв.)» особое внимание уделяется сравнению баитов и татарских баллад. По мнению исследователя, это близкие друг к другу жанры: в них события разворачиваются на лиро-эпической основе, основной эстетический принцип – сильная трагичность, главным объектом изображения выступают остроколлизионные события действительности, общей темой двух жанров является тема борьбы человека со смертью. Однако эти признаки «ни в коем случае не свидетельствуют о полном совпадении двух жанровых систем» [Шарипов, с. 146].

По мнению современного фольклориста М. Х. Бакирова, истоки трагического в баитах связывают этот жанр с другими жанрами татарского фольклора: с дастанами, историческими и лирическими песнями. Эпическое в баитах является формой выражения трагического содержания. Лирическое же начало восходит к элементам лиризма других жанров: дастанов, исторических и древних лирических песен.

Исследователь также видит сходство баитов и русских народных баллад. В частности, размышляя о «Баите Ханэкэ-Солтан», М. Х. Бакиров сопоставляет его содержание с универсальной темой фольклора разных народов – темой разлуки девушки с родителями. По мнению исследователя, она так же, как и в названном произведении, характерна для русских баллад [Бакиров, с. 284].

Вместе с тем различия сопоставляемых жанров очевидны: устная форма бытования значительно преобладает в русских балладах, по сравнению с баитами, которые с XIII–XVI вв. берут на себя часть функций татарской письменной литературы. Об этой стороне содержания баитов отмечается также в специальной статье Ф. В. Ахметовой-Урманче «Бәетләренң идея-сәнгать үзенчәлекләре» [Ахметова-Урманче].

Различия в произведениях, возникших в контексте разных фольклорных традиций и форм, в значительной мере подчеркиваются несхожими мифологическими представлениями двух народов.

Как считает Е. Мелетинский, в пантеоне богов важнейшее место в русской мифологии занимал Ярило, который был связан с идеей плодородия и олицетворял собой Бога солнца. Ярило, Бог солнца, как и в культах других народов, является одним из самых чтимых, с ним связаны многие ритуалы, которые в некоем смысле объясняли его принадлежность к небесным силам. «В них, – пишет исследователь,

– правдоподобно реконструируется карнавальная нейтрализация противопоставлений: жизнь (рождение – смерть, молодость – старость, иногда и мужской – женский). Наличие двух Ярил отсылает к теме божественных близнецов, сыновей Неба...» [Мифологический словарь, с. 631].

Солнце, как мы видим, в русской мифологии является одним из главных мифологических персонажей. По поверьям, именно с него и началась жизнь. Так как древние люди верили, что солнце является истоком жизни, в народных произведениях оно всегда наделялось положительными свойствами.

Также в русской мифологии можно найти другой персонаж – Денницу: «в славянской мифологии [Денница] образ полуденной зари (или звезды), мать, дочь или сестра солнца, возлюбленная месяца, к которому ее ревнует солнце» [Там же, с. 182].

В работе татарского исследователя Г. Гильманова «Татар мифлары» утверждается, что небесные светила в тюркской мифологии подразделяются на отдельные пантеоны, которым поклонялись в том или ином регионе Поволжья. Так, божество, олицетворяющее Солнце, встречается у башкирских татар: «Кояш Бабай (Кояш-тәңре) Башкортстан татарларында очрый. Аның икенче исеме – Көн иясе (Кояш иясе)» [Татар мифлары, с. 40].

По мнению Ф. Урманчеева, солнце в мифологии татар имеет разные облики: оно может существовать в роли мужчины или молодой женщины. В одних случаях солнце является мужем луны, в других оно выступает в роли жены. Однако солнце так же играет одну из главных ролей в татарских мифах: «халыкара мифологиянең иң популяр һәм абруйлы, бик борынгыдан илаһиаштырган, табыну объектына эверелгән атрибутларыннан берсе; төрле вазифа-функцияләр башкарырга мөмкин» [Татар мифологиясе, с. 163].

Обратимся к образу луны. В татарской мифологии луна часто рассматривалась как властительница ночи. Г. Гильманов пишет: «Ул мифларда аеруча серле, шомлы, хэтта куркыныч кыяфәттә сурәтәнә» [Татар мифлары, с. 57]. – «Она представлена в мифах, как страшная, таинственная, а также изображается в опасных образах» (перевод наш – А. Х., А. Д.).

Чаще всего в космологических мифах луна и солнце противопоставлены друг другу: солнце является антиподом луны. Но во многих мифах можно встретить их в образе брата и сестры; распространенным является сюжет «небесного брака». Как считает К. Н. Гафиуллина, небесные

светила в восприятии людей воспринимались как живые и поэтому олицетворялись в народной поэзии: «Халык ижатында да Ай, Кояш, Йолдыз – аеруча киң чагылыш тапкан образлар. Иң элек аларның жанлы затлар булып сурәтләнүе күзгә ташлана: Кояш чыга, калка, туа, иртән тора, биткә төшә, нур сибә, йөзләрдә уйный, әйләнә, болытларга бәйләнә, өйгә керә; Ай калка, туа, моңсу карый; Йолдызлар калка, күчә, тарала, бата» [Гафиуллина, с. 204].

В татарской мифологии и культуре также особое место занимают образы месяца и полумесяца. Нужно отметить, что полумесяц – особый знак в системе восточных символов, что связано в первую очередь с религиозными воззрениями татар. Полумесяц всегда почитался и чаще всего раскрывался в высоком, положительном смысле.

В татарском фольклоре образы «умирающего» и «возрождающегося» месяца часто граничили с мифологическими представлениями о смерти либо перерождении: древние верили, что человек так же, как и Луна, погибал и вновь перерождался. В частности, в татарской культуре есть мифы о появлении «пятен» на Луне. Многие народы трактуют его по-разному, у татар же он ассоциировался с образом девушки Зухры с коромыслом и ведрами. В частности, этому посвящены такие легенды, как «Девушка Зухра», «Звезда Зухра» [Татар халык ижаты, с. 232–233, 234].

По мнению М. Х. Бакирова, образ одинокой луны, входящий в параллелизм в лирических песнях, с которыми был генетически связан баит, часто соответствовал образу одинокого влюбленного [Бакиров, с. 247]. Похожие идеи развиваются и в работе К. Миннуллина «Песня как искусство слова»: в народных песнях, как пишет исследователь, «образ луны ассоциируется с настроениями грусти, печали лирического героя, тоскующего по любимой или родной земле» [Миннуллин, с. 44]. Вместе с тем в лирических песнях татар заметна и другая особенность: образы луны и солнца здесь соотносились между собой для выражения глубоких человеческих переживаний: «„Ай белән кояш аерым, кушылмый гомергә дә“ („Разлучены луна и солнце, не соединится им вовек“) – эти строки сопоставляются с описанием страданий лирического героя, которому никак не удастся встретиться со своей любимой. В данном случае образы луны и солнца, взятые вместе, служат для выражения чувства одиночества» [Там же]. Также в баитах и народных песнях они использовались для описания женской красоты.

Обратимся к сопоставительному анализу фольклорных произведений.

Проведенный анализ русских баллад показывает, что в них наиболее частотными являются небесные образы, среди которых самым главным выступало солнце. Оно, солнце, олицетворяет добро, предвещает хорошее известие.

По утру-ту было, на зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
На белой кречат перепархивал –
Наш-ат Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери [Русские народные баллады, с. 177].

Солнце символизировало мужское начало. Отец, как глава семьи, в лирических обрядовых песнях, а также в балладах сравнивался с «красно солнцем», что обозначало зрелость, власть и силу. К примеру, героиня баллады «Молодец и худая жена» выражает свое отношение к мужу через упоминание о солнце. Она девять долгих лет ожидала мужа, который ушел «со синя море...» и долгое время не мог вернуться домой. После многих лет странствий он решает возвратиться, но его пугает тот факт, что по приезде домой его не ждет ничего хорошего:

Мне к батюшке идти – живым не застать,
К роду – племени идти – не узнают меня... [Там же, с. 114].

Все это время женщина ждет своего мужа. Исследовав текст и реплики жены в нем, мы понимаем, что судьба ее была трагична в то время, когда его не было рядом:

И не восходило красно солнышко три года,
И не восходило красно солнышко шесть годов,
И не восходило красно солнышко девять лет,
А сегодня красно солнышко высоко взошло! [Там же, с. 94].

Упоминание солнца здесь несет в себе положительный смысл: с одной стороны, оно подчеркивает силу мужского начала в вернувшемся герое, а с другой – рождает представление о светлом и новом этапе жизни в судьбе героини. Необходимо отметить, что традиционное употребление в балладе устойчивого эпитета «красное солнышко»

становилось частью «общих мест» в произведении.

Славяне понимали, что солнце – символ продолжения дня, месяца, года, но когда происходили различного рода несчастья в их жизни, то они воспринимали это как знак свыше (как, например, в балладе «Туры златорогие»). В ней через образы зори и солнца, раскрывающихся с помощью традиционных эпитетов, утверждается мысль о трудностях становления христианской веры на Руси, без которой жизнь будет лишена светлого начала.

Не бывать тебе, вера, да на святой Руси,
Не видать тебе, вера, свету белого,
Свету белого, да солнца красного,
Солнца красного, да зори утренной,
Зори утренной – поздно вечерние [Там же, с. 142].

Другим распространенным образом, хотя и менее частотным, в русских балладах была заря. Отличающаяся от солнца по своей характеристике, в балладах она часто указывала время, когда происходило трагическое событие. Так, в балладе «Король-Королевич» герой узнает о смерти своей молодой жены, которая случилась на самой заре:

Твоя жена, Марусенька, сына родила,
На утренней на зореньке сама умерла [Там же, с. 121].

Однако в нередких случаях упоминание зари выступало как предзнаменование благой вести, а также служило знаком начала земельных работ. В лирических песнях, особенно обрядовых, заря, как и солнце, символизировало мужское начало [Веселовский].

Сопоставительный анализ подтвердил, что образы солнца и зари в байтах, по сравнению с балладами, имеют уникальные черты: они могут быть частью психологического параллелизма, а также указывать на время действия, передавать быструю смену событий: от светлого дня и возможных добрых дел и поступков к тому, что связано с предстоящей трагедией, горем.

Так, например, в известном байте татар «Сак-Сок» упоминания солнца являются частью образа переживаний двух братьев: картина природы здесь важна как часть цветообраза, усиливающего представления о страданиях героев.

Кояш чыкканда кан тула күзгә,
Кыямэт көнсез кавышу юк безгә [Татар эпосы: бәетләр, с. 49]. –
Солнышко взойдет, кровь зальет глаза,

Не встретится, пока не настанет Судный день [Там же, с. 229] (здесь и далее перевод байтов Ф. В. Ахметовой-Урманче).

Развитие образа переживаний создается посредством небесных образов, указывающих на границу времени, передающих последовательность событий: движение времени от заката солнца до появления зари, наступления нового дня лишь усугубляет страдания разлученных братьев, так как, вопреки своему желанию, они не могут встретиться.

Кояшның батуыннан тотынабыз кычкырырга,
Тәкдирдә яман язган-булмыйдыр ычкынырга [Там же, с. 54]. –

С заходом солнца начинаем мы перекликаться,
Лихая судьба предписана нам, от нее не уйти [Там же, с. 234].

Буладыр ике арабыз кояш чыккан бик ерак,
Кавышабыз дигән чакта таң белән була фирак [Там же, с. 55]. –

С восходом солнца становимся друг от друга мы дальше,

Только задумаем встретиться, разлучает нас заря [Там же, с. 235].

Кроме того, через упоминания солнца, зари могла экстраполироваться идея трагического в область человеческих чувств, судеб, жизни в целом. Мы полагаем, что по-своему такое понимание солнца преодолеvalo устойчивые анимистические взгляды человека, его синкретические представления о природе: в частности, байт «Сак-Сок» подтверждает идею вмешательства в жизнь человека рока, трудной судьбы.

Образ солнца в большинстве байтов представлен как некая высшая, мощная сакральная сила, которая может доминировать над человеком, подобно неотвратимому вмешательству рока в его жизнь. Об этой особенности небесного образа отмечается, в частности, в специальной статье К. Н. Гафиуллиной. Автор пишет: «Ай һәм Кояш изге Туган жир төшенчәсе белән бәйлә булган, икенчедән, алар жирдәге тормыш, кешеләр язмышы белән идәрә итүче илаһи зат итеп күзалланганнар» [Гафиуллина, с. 215].

Как утверждалось выше, байтам, как и русским балладам, присуще трагическое начало. Их жанровое содержание показывает, что, если внешние факторы, такие как небесные светила, природа в целом, не препятствуют человеку, ему может помешать рок. Последнее достаточно ярко выражено в рассматриваемом байте «Сак-Сок», а

также в других произведениях: «Байт о мельнике Шайхулисламе», «Байт о Гильман агае» и др.

Обратимся к другим байтам.

Произведения, где девушка была разлучена с родителями и родной землей, встречаются почти у всех народов мира. Особое место среди них занимает такой тип народных произведений, в которых раскрывается трудная судьба татарской женщины. Иллюстрацией сказанного является известный байт «Ханэкэ-Солтан», в котором встречается прием параллелизма: образ солнца и прекрасная картина весенней природы контрастирует с тяжелой судьбой героини, усиливая тем самым эмоциональную глубину ее чувств.

Агач башы бөрләнер, язга чыкса төрләнер,
Кояшлар чыкса нурланыр, яуга төшкән хурланыр [Татар эпосы: бәетләр, с. 199]. –

На деревьях почки распускаются, весной они разного цвета,

На восходе солнца все светом озарится, будет обесславлен тот, кто попал на войну [Там же, с. 379].

На наш взгляд, параллелизм, найденный в байте, основан на сопоставлении по противоречию [Веселовский, с. 127]. Такой параллелизм, по определению А. Веселовского, создает игру контрастов: соответствия природы и человеческой жизни не происходит. Здесь «те же образы сопоставляются по идее противоречия; не на них лежит центр тяжести, а на анализе чувства, которому они дают виртуозное выражение» [Там же].

Подтверждает сказанное наблюдение Ф. Урманчеева в области поэтики байта. В своей работе «Лиро-эпос татар Среднего Поволжья» исследователь говорит о значительной роли противопоставительной параллели в байтах, когда «прекрасное явление природы ставится рядом с несчастьем человека» [Урманчеев, с. 178].

Встречается в байтах и антитеза, в частности упоминание солнца, например в байте «Хамида». В нем раскрывается трагедия, случившаяся с молодой девушкой: ее продают офицеру. Жизнь Хамиды предопределена. В байте противопоставление создается за счет цветового контраста (белая баня – черный уголь, золотое кольцо, сияющее на солнце – темный камыш), который делает более сложными и эмоциональными переживания героини, чувствующей приближение своей смерти.

Йөгереп кердем ак мунчага, бастым кара күмергә,
Абзыкаем мине саты, үзе дә елар гомергә [Татар эпосы: бәетләр, с. 214]. –

Вбежала в белую баню, наступила на черный уголь,

Продал меня абзыйкай, и сам будет плакать всю жизнь [Там же, с. 394].

Кулымдагы алтын балдак кояш күзенә эресен,
Камышлардан зифа бум тал төбендә чересен
[Там же, с. 214]. –

Пусть плавится на солнце золотое кольцо на пальце моем,

Стан мой, что стройнее камыша, под ивой будет гнить [Там же, с. 394].

Подобные противопоставления также имеют место в байтах «Об утонувшей Гайше» и «Красавица Сахиба».

По-своему подтверждает данные размышления байт «О продаже девушек», в котором, как и в названных произведениях, раскрывается тема женской судьбы. В байте говорится о горькой доле женщины, оказавшейся в нелегкой жизненной ситуации. Главная героиня, с которой случилось несчастье, взмаливается к небесам, понимая всю трагичность своего положения:

Иртә торып тышка чыктым, кояш чыга кызарып,
Шул нинди бәдбәхет бәндә табыш итә кыз алып
[Там же, с. 212]. –

Поутру встала, вышла во двор – заалело, солнце взошло,

Что за злосчастный раб божий от купли девушек получает выгоду? [Там же, с. 392].

В данном контексте образ яркого солнца указывает на время, когда бесповоротно меняется ее судьба, подчеркивает контрастную смену событий. Вместе с тем эта картина прекрасной природы расходится с тем, что происходит в судьбе героини: ее продают и увозят в далекие края, ее будущее трагично.

Как отмечалось выше, особое место в татарских байтах, по сравнению балладами, занимает образ месяца, что обусловлено прежде всего тем, что этот жанр был проникнут религиозным началом, где устойчивым элементом были слова, прославляющие Аллаха. Сравнение внешности героини с полумесяцем находим в байте «Красавица Сахиба».

Сәхибәнәң кара карши ай кебек кайгач, матур,
Шул кыйгач кашлары өчен баструкка китте бахыр
[Там же, с.218]. –

Красивы черные брови Сахибы, они словно полумесяц,

Из-за тех изогнутых бровей попала бедняжка в острог [Там же, с. 398].

Однако в произведении также утверждается, что именно из-за своей красоты Сахиба попадает в трагическую ситуацию.

Необходимо отметить, что образ луны (полумесяца) в народных произведениях татар не был случайным, так как полумесяц в понимании татар отражал их веру. Он стал доминирующим среди космологических образов, что находит свое подтверждение именно в этом жанре. Как показало наше исследование, такой широкой распространенности его в русских балладах не было. Кроме того, в байтах встречается образ зародившейся (новой) луны («О продаже девушек», «Поводырь медведя Давлю»). Уникальность заключается в том, что он мог изменять свою форму, поэтому каждая фаза луны в произведениях могла приобретать свое самостоятельное значение. Например, в байте «О русско-турецкой войне» упоминается затмение луны «в священном месяце шагбан» [Там же, с. 254]. Также образ луны был тесно связан с темой женского одиночества как в байтах, так и лирических песнях.

Итак, наши размышления показывают, что образы небесных светил, несмотря на их сходное мифологическое и общечеловеческое содержание, по-разному раскрываются в лиро-эпических жанрах русского и татарского фольклора. Мы установили, что в байтах, в которых особое место занимают представления о трагическом, образы солнца и луны (месяца) часто указывали на смену событий: прекрасная картина природы сменяется указанием на трагическую ситуацию. В байтах же, по сравнению с балладами, образы небесных светил входят в параллелизм, через который раскрывались эмоциональные переживания героя, сила их чувств, а также они являются частью противопоставления (антитезы). Вместе с тем указанные черты поэтики не встречаются в большинстве русских народных баллад, что дает основание говорить об объективных различиях сопоставляемых жанров.

Работа выполнена при поддержке АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0».

Список литературы

Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 400 с.

Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 101–154.

Миннуллин К. М. Песня как искусство слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2001. 70 с.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 631 с.

Русские народные баллады / Подгот. текста, вступит. ст. Д. М. Балашова. М.: Современник, 1983. 311 с.

Сафиуллин Я. Г. Сопоставление литератур // Теория литературы: словарь для студентов, специализирующихся по сравнительной и сопоставительной филологии. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2010. С. 97–99.

Урманчиев Ф. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья: основные проблемы изучения байтов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 256 с.

Шарипов А. Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII–XIV вв.). Казань: изд-во Казан. ун-та, 2001. 364 с.

Ахметова-Урманче Ф. В. Бәетләренң идея-сәнгать үзәнчәлекләре // Татар эпосы: бәетләр = Татарский эпос: байты Казань: изд-во «Фән» АН РТ, 2005. С. 5–47.

Гафиуллина К. Н. Халык жырларында Ай, Кояш, Йолдыз образларын сурәтләүдә кулланыла торган тел берәмлекләре // Тел, әдәбият һәм халык ижаты мәсәләләре. Казан: Фикер, 2002. Б. 203–220.

Татар мифлары: ияләр, сынамышлар, йолалар / Г.Гыйльманов хикәяләвендә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 388 б.

Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. / Ф. Урманче. Казан: Мәгәриф, 2009. 2 т. (Д-С). 343 б.

Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. 345 б.

Татар эпосы: бәетләр = Татарский эпос: байты / Вступит. ст. Ф. В. Ахметова-Урманче; науч. ред. Ю. Нигматуллина. Казань: Фән, 2005. 544 с.

studentov, specializirujushhihsja po sravnitel'noj i sopostavitel'noj filologii. Pp. 97-99. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Sharipov, A. (2001). *Zarozhenie i stanovlenie sistemy stikhotvornykh žanrov v drevnetiurkskoi i tiurko-tatarskoi literature (VIII-XIV vv.)* [The Origin and Formation of the System of Poetic Genres in Old-Turkic and Tatar-Turkic Literature (from the 8th to the 14th centuries)]. 364 p. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Tatar eposy: bætælär = Tatarskii epos: baity (2005) [Tatar Epics: Bætælär = Tatar Epics: Bayts]. Vstupit. st. F. V. Akhmetova-Urmanche; nauch. red. Iu. Nigmatullina. 544 p. Kazan', Fen. (In Tatar, in Russian).

Tatar halyk ižaty. Rivajat'lar һәм legendalar. (1987). [Tatar Folk Art. Tales and Legends]. 368 p. Kazan': Tat.kit.nəshr. (In Tatar)

Tatar miflary: iialär, synamyshlar, iolalar / (1996) [Tatar Myths: Patron Spirits, Signs and Rites]. G.Gyil'manov khikəialəvendə. 388 p. Kazan',Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Tatar mifologiiase. Entsiklopedik syzlek / F.Urmanche. (2009). [Tatar Mythology. Encyclopedic Dictionary / F. Urmanche]. In 3 parts. 343 p. Kazan, Məgərif, 2 p. (D-S). (In Tatar)

Urmancheev, F. (2002). *Liro-epos tatar Srednego Povolzh'ia: osnovnye problemy izucheniia baitov.* [Lyrical Epics of the Tatar Middle Volga Region: Basic Issues of Studying Bayts]. 256 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Veselovskij, A.N. (1989). *Psihologicheskij parallelizm i ego formy v otrazhenijah pojeticheskogo stilja* [Psychological Parallelism and Its Forms Reflected in the Poetic Style]. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. Pp. 101- 154. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russian)

References

Ahmetova-Urmanche, F. V. (2005). *Bætælärneң ideja-səngat' үzenchälekläre* [Ideological and Fictional Features of Bayts]. Tatar jeposy: bætælär = Tatarskij jepos: baity. Pp.5-47. Kazan', Izd-vo "Fən" AN RT. (In Tatar)

Bakirov, M. (2012). *Tatarskii fol'klor* [Tatar Folklore]. 400 p. Kazan', Ikhlās (In Russian)

Gafiullina, K. N. (2002). *Halyk žyrlarynda Aj, Kojash, Joldyz obrazlaryn surätläydä kullanyla torgan tel berämlekläre* [Language Units Used in the Description of the Images of the Moon, the Sun and Stars in Folk Songs]. Tel, ədəbijat һәм halyk ižaty məs'ələläre. Pp. 203-220. Kazan, Fiker. (In Tatar)

Mifologicheskii slovar' (1990). [Mythological Dictionary]. Gl.red. E.M. Meletinskii. 631 p. Moscow, Sov. entsikl. (In Russian).

Minnullin, K. M. (2001). *Pesnja kak iskusstvo slova: avtořef....dis. d-ra filol. n.* [The Song as a Verbal Art: Doctoral Thesis Abstract]. 70 p. Kazan'. (In Russian)

Russkie narodnye ballady / (1983). [Russian Folk Ballads]. Podgot. teksta, vstupit. st. D. M. Balashova. 311 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Safiullin, Ja. G. (2010). *Sopostavlenie literatur* [A Comparison of Literatures]. Teorija literatury: slovar' dlja

The article was submitted on 14.02.2017
Поступила в редакцию 14.02.2017

Хабибуллина Алсу Зарифовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Alsu_Zarifovna@mail.ru

Давлетшина Альфия Алмазовна,
студент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
davletshina.alfiya.96@mail.ru

Khabibullina Alsu Zarifovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Alsu_Zarifovna@mail.ru

Davletshina Alfiya Almazovna,
student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
davletshina.alfiya.96@mail.ru